

Д.В. Бурыгин

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1945 г.

В статье описывается общественная дискуссия в среде послереволюционной русской эмиграции после окончания Второй мировой войны. Анализируются противоречия между двумя эмигрантскими центрами – русским Парижем и русским Нью-Йорком. Также подробно описывается повод, давший толчок к широкому обсуждению в эмигрантской публицистике: скандальное посещение советского посольства в Париже группой эмигрантов под предводительством В.А. Маклакова. Автор статьи делает вывод о глубоких разногласиях касательно будущего русской эмиграции и ее отношения к советской власти, отражавших изменившиеся условия существования после войны.

Ключевые слова: В.А. Маклаков, А.М. Богомолов, М.А. Алданов, А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский, В.В. Набоков, «Новый журнал».

После окончания Второй мировой войны русская эмиграция находилась в ситуации сложнейших противоречий, раз за разом раскалывающих ее, но уже не по партийному принципу. Во время войны значительная часть эмиграции все еще оставалась в оккупированном немцами Париже. После разгрома гитлеровских войск стал принципиальным вопрос об отношении к советской власти, а значит – вопрос о смысле ее существования. Как будет показано ниже, вопрос ставился в контексте противостояния нацистской Германии. Эта проблема стала центральной в эмигрантской публицистике послевоенного времени.

12 февраля 1945 г. посольство Советского Союза посетили девять эмигрантов. Два адмирала – бывший командующий Балтийским флотом и военно-морской министр Временного правительства

Д.Н. Вердеревский и адмирал М.А. Кедров – были приглашены отдельно, по настоянию посла. Кроме них, на встрече присутствовали В.А. Маклаков, А.С. Альперин, А.А. Титов, М.М. Тер-Погосян, Е.Ф. Роговский, В.Е. Татаринов и А.Ф. Ступницкий. Этому событию предшествовал визит в советское посольство митрополита Евлогия, главы западноевропейской епархии¹. Посещение эмигрантами советского посла вызвало громкий скандал и последующую полемику.

Поначалу скандал не хотели переводить в печать – слишком явным и опасным становился раскол. Миссию смягчения конфликта взял на себя М.А. Алданов, составлявший вместе с А.И. Коноваловым и А.Ф. Керенским наиболее идеологически умеренную группу нью-йоркских эмигрантов. Образовавшаяся в результате переписка между Парижем и Нью-Йорком – между Маклаковым, с одной стороны, и Алдановым и Керенским, с другой, – по праву может считаться примером эмигрантской публицистики, хотя и неопубликованным в органах печати.

Первоначально раскол в эмиграции образовался по территориальному принципу. Те из эмигрантов, кто сумел отправиться в США в конце 1930-х – начале 1940-х годов, избежали нацистской оккупации. В это время «столицей» русского зарубежья становится Нью-Йорк, до того не игравший значительной роли в культурной и общественной жизни эмиграции. Связь с Парижем у русских ньюйоркцев практически оборвалась в последующие годы до самого конца войны. Во время немецкой оккупации значительная часть русских парижан переселилась в так называемые свободные зоны. Часть же осталась в Париже по разным причинам. Например, в пронацистских изданиях сотрудничали Б.К. Зайцев, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, В.Н. Ильин. Есть свидетельства о том, что Н.Н. Берберова, хоть и не была замечена в сотрудничестве с нацистами, все же выражала им симпатии². В то же время В.А. Маклаков не пожелал уехать из оккупированного Парижа и с группой единомышленников начал участвовать в движении «Спротивление».

Невозможность наблюдать все эти события воочию, недостаточное понимание реалий вменялись эмигрантам Нью-Йорка в вину в ответ на обвинения в примирительной позиции по отношению к советской власти. Так, Маклаков пишет в письме Б.И. Элькину о советских войсках: «Быть с ними в этот момент, говорить с ними на одном языке и ругать Советы, даже за то, что в них можно ругать, было бы то же, что во время “погрома” разбирать подлинные недостатки евреев»³. Алданову Маклаков пишет, что «мы

естественно ощутили, что мы ближе к Советам, чем к Германии и германофилам»⁴. Таким образом, группа, идеологом которой был Маклаков, во-первых, испытывала благодарность Красной армии за освобождение от нацистов, во-вторых, пыталась отделить себя от коллаборационистов из среды эмигрантов.

С этим был связан куда более существенный момент. Как раз в это время французское правительство начинает жестокую расправу над теми жителями Франции, кто был замечен в сотрудничестве с нацистами. Русские эмигранты-антибольшевики в первую очередь попадали под подозрение. Отношения французского правительства и СССР в это время были достаточно благоприятными, поэтому В.А. Маклаков, возглавлявший тогда Центральный офис по делам русских беженцев во Франции, подчеркивал, что, учитывая отношение французов «ко всем белым русским», «рассчитывать на льготы и преимущества, на конвенцию и т. п. потому, что мы “враги советов”, было бессмысленно». И далее: «<...> рядовая эмиграция должна была тон свой изменить».

Однако причина, по которой представители эмиграции официально посетили советское посольство (где среди прочего, по утверждению некоторых свидетелей, был произнесен тост в честь Сталина), кроется не только в политической конъюнктуре. Маклаков всячески старался отделить группу своих единомышленников от так называемых совпатриотов во главе с Д.М. Одинцом. Это было тем более важно, что, как отмечал Маклаков, значительную часть эмигрантов, активно проявлявших лояльность по отношению к советской власти, составляли бывшие «германофилы», стремившиеся спасти свою жизнь или награбленное во время оккупации имущество.

В.С. Яновский в книге воспоминаний так характеризует Маклакова: «Надо отметить, что в Париже собралось несколько десятков литераторов в продолжение всей эмиграции, с посольством на рю Гренель не заигрывавших. Позже они зеленых мундирчиков не надевали и в “освободительных” газетках не сотрудничали. Историкам отечественной словесности этого периода когда-нибудь придется с похвалой отметить сей факт. То, что случилось с Маклаковым, особое послеоккупационное явление – реакция на чудесное спасение России»⁵. Под «освободительными газетками» подразумевается нелегальная листовка времени оккупации Парижа «Русский патриот», которая позже стала газетой «Советский патриот».

В переписке с Алдановым и Керенским Маклаков подчеркивает, что сближение с советской властью – осознанный идеологический выбор. Еще во время войны советская власть в понимании

значительной части эмиграции получает некий кредит народного доверия. Она начинает пониматься как *национальная*, поскольку успешно руководит пробудившимся «народным духом». Это был еще один довод в пользу примирения: если раньше большевики воспринимались как чужеродная сила, захватившая власть незаконным путем, то после войны некоторые эмигранты меняют такое представление.

По мнению Маклакова, почувствовавший свою силу народ будет стремиться к дальнейшему освобождению – этот процесс уже нельзя обратить вспять. Внешняя угроза сблизила власть и народ, так что первая неминуемо должна пойти на уступки. Эти изменения Маклаков видит в различных фактах советской жизни, начиная с Конституции 1936 г., формально отменившей классовость режима, и заканчивая восстановлением традиционного дореволюционного уклада жизни. Советский режим эволюционирует, и теперь задача эмиграции – не конфронтация, а помощь режиму, так как советская власть стала «народной».

В своем главном письме по поводу посещения посла А.М. Богомолова, адресованном Алданову, Маклаков обосновывает веру в естественную эволюцию советской власти: «Ибо такого исхода два: либо либеральное правительство, как в Феврале, и Россию расчленият и разбазарят соседи и союзники. Или такое же диктаторское правительство, но не коммунизм, а нечто вроде легитимистов, фашистов и вообще всех тех людей, которые здесь радовались победе Германии. Этого я не желаю и предпочитаю медленную эволюцию свержению власти»⁶.

Алданов и Керенский с пониманием отнеслись к позиции Маклакова. Керенский соглашается, что «органическое сотрудничество» власти и народа должно привести к «перерождению социальных тканей» в советском обществе. Кроме того, он отмечает в качестве позитивных знаков возрождение религии и частной жизни. Но не соглашается, что миссия эмиграции теперь состоит в том, чтобы отбросить критику и только лишь «сближаться» с советской властью. Еще более ясно это выразил Алданов: «Вам отлично известно, что никакой борьбы с советской властью не ведет уже пятнадцать лет в эмиграции никто <...> Я понимаю, что значит “оппозиция ее величества”. Но что такое “эмиграция ее величества”, я не понимаю»⁷. Главный вопрос о том, возможна ли эволюция советского режима, перетек и в эмигрантские органы печати.

В десятом номере «Нового журнала» этой теме была отведена отдельная рубрика под названием «Эмиграция и советская власть». В ней разные публицисты высказывают свое мнение о посещении

посольства в форме анкеты. Н.П. Вакар интерпретирует это событие однозначно: «После четверти века борьбы политическая эмиграция в лице Маклакова пожала руку власти в лице Богомолова». Кроме того, он отмечает, что эмигранты, получившие американское гражданство, «оторвались от родины» и от европейской эмиграции, так что проблемы эмиграции ей стали чужды и непонятны.

А.И. Коновалов стоит на примирительных позициях. Он согласен, что в послевоенной обстановке, пока идет процесс переговоров об условиях мира, нужно думать в первую очередь о национальных интересах России, а значит – поддерживать советскую власть. М.В. Вишняк назвал попытку сближения «ошибкой, граничащей с изменой или глупостью». По его мнению, советская власть в своем «подкупательном движении» учла слабость уставшей за четверть века от жизни за границей русской эмиграции и пытается ее уничтожить.

С ним соглашается Н.П. Денике. По его мнению, «советский патриотизм» оправдывается апологетами одним лишь желанием простить советской власти ее прегрешения за заслуги перед народом. Однако те же самые заслуги можно увидеть и в национал-социализме, что не отменяет его антигуманной сущности. Кроме того, добавляет Денике, сближение не принесет никакой пользы, так как советской власти эмигранты нужны не внутри страны, а только за ее пределами – в целях пропаганды.

В другом разделе того же номера Г.П. Федотов в статье «Россия и свобода» вводит полемику в исторический контекст. Он пытается проследить историю понятия «свобода» через всю историю России, начиная с Киевской Руси. Федотов приходит к выводу, что свобода в России проходит путь деградации. Свобода в западном смысле существовала еще в Древнем Киеве и Новгороде. Однако московская («монгольская») социально-политическая модель ее полностью уничтожила. Апофеоз такой модели мы видим в сталинском режиме. Единственное, что еще может спасти российскую цивилизацию, – укрепление и развитие западного понимания свободы, но для этого западным странам необходимо прекратить «раболопие» перед Сталиным.

В том же номере на данную злободневную тему высказался еще один крупный эмигрантский писатель с несвойственной ему политизированностью, но в свойственной ему форме – В.В. Набоков в стихотворении «О правителях». Публицистичность выступления обыгрывается с помощью пародирования стихотворной стилистики В.В. Маяковского. Основная идея и пафос стихотворения выражены недвусмысленно:

С каких это пор
понятие власти стало равно
ключевому понятию родины?⁸

Набоков не признает никаких доводов в пользу нашумевшего посещения, объясняя его исконным русским раболепием перед любой властью. «За Мамаем все тот же Мамай», хотя поводы и разнятся:

Но детина в регалиях или
волк в макинтоше,
в фуражке с немецким крутым козырьком,
охрипший и весь перекошенный,
в остановившемся автомобиле –
или опять же банкет
с кавказским вином –
нет.

Следующий намек на «покойного тезку», который если бы еще был жив, то «бы рифмы натягивал на “монументален”» (очевидно, подразумевается рифма «Сталин»), вписывает данный эпизод в контекст сюжета «государь и поэт». Тем самым Набоков противопоставляет себя Маяковскому. Что характерно: в отличие от остальных стихов этого номера стихотворение «О правителях» напечатано в старой орфографии.

В письме В.М. Зензинову Набоков пишет об этом эпизоде намного более резко, чем на страницах главного эмигрантского издания тех лет:

«В историческом смысле это явление очаровательное, в человеческом же отношении оно позывает на рвоту. Я говорю об этом завтраке а ля фуршет в Париже.

Я могу понять отказ от принципов в одном исключительном случае: если бы мне сказали, что самых мне близких людей замучат или пощадят в зависимости от моего ответа, я бы немедленно пошел на все, на идейное предательство, на подлость, и стал бы любовно прижиматься к пробору на сталинской заднице. Был ли Маклаков поставлен в такое положение? По-видимому, нет»⁹.

Таким образом, в вопросе об отношении к советской власти эмигрантские публицисты придерживались разных идеологических установок, соответственно различалась и оценка советской власти и ее дальнейших перспектив. Посещение эмигрантами советского посольства и существование значительной части симпатизировав-

ших советской власти эмигрантов («совпатриотов») катализировали дискуссию и усилили резкость оценок. Проблема осложнялась и наличием бывших коллаборационистов в эмигрантской среде.

Как внутреннее состояние эмиграции, так и внешние условия ее существования изменились после войны. Идеологический раскол отразил принципиальные противоречия, которые не могли позволить эмиграции сохранять верность прежним установкам. Это переосмысление будет продолжено в последующие годы «холодной войны».

Примечания

- ¹ *Будницкий О.В.* 1945 год и русская эмиграция: из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 235.
- ² *Будницкий О.В.* «Дело» Нины Берберовой // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 39. С. 141–172.
- ³ *Маклаков В.А.* Письмо Б.И. Элькину от 15 мая 1945 г. Цит. по: *Будницкий О.В.* 1945 год и русская эмиграция. С. 273.
- ⁴ *Маклаков В.А.* Письмо М.А. Алданову от 25 мая 1945 г. Цит. по: Там же. С. 275.
- ⁵ *Яновский В.С.* Поля Елисейские: книга памяти // *Яновский В.С.* Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Н. Мельникова, примеч. Н. Мельникова, О. Коростелева. М.: Гудьял-Пресс, 2000. Т. 2. С. 322–323.
- ⁶ *Маклаков В.А.* Письмо М.А. Алданову от 25 мая 1945 г. Цит. по: *Будницкий О.В.* 1945 год и русская эмиграция. С. 282.
- ⁷ *Алданов М.А.* Письмо А.А. Титову от 12 июня 1945 г. Цит. по: Там же. С. 288.
- ⁸ *Набоков В.В.* О правителях // *Новый журнал*. 1945. № 10. С. 172–173.
- ⁹ *Набоков В.В.* Письмо В.М. Зензинову от 17 марта 1945 г. Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков: Американские годы. М.: Независимая газета, 2004. С. 103.